

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ «ИРРЕАЛЬНОСТИ» В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION “П”» (ВИЗУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Рассматриваются особенности языкового моделирования визуального восприятия, которые приводят к формированию специфических онтологических представлений. Лингвистическая актуализация отклонений от существующей бытийной нормы становится важным инструментом описания «ирреальности» в постмодернистском тексте. На материале романа В. Пелевина «Generation “П”» представлен анализ семантических и грамматических средств выражения, играющих ключевую роль в процессе лингвистического моделирования визуального восприятия.

Ключевые слова: зрительное восприятие; перцептивная семантика; ирреальность; лингвистическое моделирование; онтологические нормы.

В процессе моделирования ситуации зрительного восприятия наряду с реализацией авторской стратегии организации текстового материала отражается онтологический аспект перцептивной семантики, который оказывает влияние на формирование представлений о мире как особой сфере человеческого бытия. Традиционно выделяются онтологические *представления о материальном мире*, которые включают в себя «представления о материальности и физической природе вещей, их свойствах и признаках» (время, пространство, реальность / ирреальность) и *представления о человеке*, его материально-духовной природе, жизни и смысле существования [1. С. 24]. Значения, которые репрезентируют реальность непосредственно в процессе восприятия, находят свое отражение на различных уровнях языковой системы: лексическом, синтаксическом, стилистическом.

Постмодернистский текст раскрывает новые возможности восприятия, значительно расширяя границы физического мира. В произведениях постмодернистов, с одной стороны, можно наблюдать оппозицию реального и ирреального миров, с другой – их неразличимость и симулятивность. Для определения *степени жизнеподобия* условно реальной действительности в художественном произведении используется категория «условность». Если «первичная условность» не противоречит конвенциональным представлениям о фактической действительности, то «вторичная условность» отражает различные уровни градации нарушения жизнеподобия: «Это воссозданное художественным способом впечатление того, что изображенная в произведении действительность отчетливо не соответствует конвенциональным (общепринятым) представлениям о реальности» [2. С. 45]. Неслучайно Г.А. Копнина указывает на наличие в художественных и публицистических текстах так называемых «параонтологических риторических приемов», построенных на прагматически мотивированном нарушении норм онтологии, т.е. не соответствующих принятым представлениям о бытии [3. С. 45].

Целью предлагаемой статьи становится рассмотрение лингвистических особенностей моделирования визуального восприятия ирреальности в романе В. Пелевина «Generation «П»» и его роли в формировании онтологических представлений о реальности.

Анализ высказываний с семантикой зрительного восприятия проводится с опорой на основные положения семантического синтаксиса, согласно которым ситуация восприятия представлена в языке двухактантной событийной пропозицией [4. С. 14], где обязательно наличие субъекта и объекта восприятия. Возможно также внутрипропозитивное усложнение за счет факультативных актантов.

Г.А. Кривокубова выделяет три основные группы семантических пропозиций с предикатами чувственного восприятия. Первая, ядерная, группа представлена структурами с левоактантным предикатом, ориентированным на субъект восприятия (подлежащее). Вторая, периферийная, группа включает структуры с правоактантным предикатом, отличительной чертой которых является позиция подлежащего, занятая ситуативным, чаще всего активизированным объектом восприятия. Третья, промежуточная, группа представлена своего рода синтезом первых двух: субъект восприятия и объект восприятия сливаются в одной семантической и синтаксической позиции. Предикат восприятия обозначает их совместное действие, направленное друг к другу [5. С. 3–4].

Предикат является центральным элементом пропозиции восприятия, который, создавая семантическое поле наблюдаемости, приобретает роль маркера перцептивной ситуации и сигнализирует о степени выраженности субъекта, наличия и характере объекта восприятия. Анализ предикатов восприятия подробно освещен в работах Ю.Д. Апресяна, А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой и других отечественных лингвистов. Так, Н.Д. Арутюнова, анализируя семантику предикатной лексики в сопоставлении со значениями идентифицирующего типа, приходит к выводу, что способ восприятия объекта оказывает влияние на особенности семантической структуры предиката [6. С. 35].

В работе Е.В. Падучевой представлен развернутый список глаголов восприятия (в том числе зрительного) [7. С. 253–255]. Исследователь выделяет два компонента в семантике перцептивных глаголов: собственно перцептивный (реакция органа чувств на объект) и ментальный (осознание воспринятого, идентификация), а также противопоставляет глаголы восприятия, опираясь на оппозицию «состояние vs. деятельность / происшествие», определяющую их семантическое своеобразие, грамматические свойства

и сочетаемость. О.Ю. Авдеевнина в классе ядерных глаголов восприятия отмечает противопоставление «состояние V. действие», которое указывает на произвольность / непроизвольность восприятия, а также субъектную валентность: глагол состояния тяготеет к сочетанию с я-субъектом, глагол действия – с не я-субъектом [8. С. 14].

Для обозначения предикатов зрительного восприятия (далее ЗВ) в русском языке существует большая группа лексических средств, которая включает: 1) глаголы зрительного восприятия; 2) глагольные словосочетания с зависимыми компонентами – именами существительными *глаза, взгляд, взор, зрение*; 3) краткие прилагательные *виден, заметен*, предикативы *видно, заметно* [9. С. 117].

Базовыми глаголами ЗВ в современном русском литературном языке являются *видеть* [10. С. 173], *смотреть* [Там же. С. 158–159], *глядеть* [Там же. С. 318–319]. Они образуют оппозицию с точки зрения активности / пассивности восприятия. Относительные синонимы *смотреть* и *глядеть* предполагают активное действие со стороны субъекта восприятия, в то время как *видеть* отражает саму способность ЗВ, его непреднамеренность.

Наличие субъекта восприятия признается обязательным, он остается семантически значимым, даже будучи невыраженным на формальном уровне: «Если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные способы указания на него» [11. С. 218].

Субъект восприятия в пропозиции может быть представлен в качестве субъекта действия или состояния, объекта воздействия, локатива или директива [12. С. 14–16]. Активность или пассивность субъекта становится основой для выявления моделей перцептивного высказывания. Так, активный субъект совершает намеренное перцептивное действие, а пассивный – является носителем перцептивного состояния. Синтаксическая позиция указанных типов субъекта не является фиксированной, в предложении они могут выполнять функцию подлежащего или дополнения. Субъект восприятия может выражаться различными лексико-семантическими средствами: именами существительными с предметной семантикой, местоимениями, субстантивированными прилагательными и причастиями [13. С. 6].

«Если для наименования субъекта существует специальный пласт лексики, то специализированных существительных, именующих объект восприятия, фактически нет, а используется либо неспециализированная лексика, либо лексика с презумпцией восприятия», – отмечает И.В. Башкова [12. С. 6]. Объектом восприятия могут быть предмет, лицо, событие (в последнем случае ситуация становится полипропозитивной). Высказывания восприятия, в которых объект отражает событие, делятся на несколько групп в зависимости от свернутости пропозитивного содержания: абстрактное существительное, отглагольное существительное, развернутая пропозиция [13. С. 7]. При описании объекта ЗВ используются различные определители, которые на морфологическом уровне выражаются прилагательными или существительными в

косвенном падеже. На синтаксическом уровне объект ЗВ представлен одиночным существительным, словосочетанием, полупредикативной конструкцией или простым предложением [Там же. С. 15–16].

Расположение обязательных компонентов в структуре высказывания определяется в первую очередь коммуникативными намерениями автора – акцентировать внимание читателя на том или ином аспекте ситуации восприятия.

В качестве материала для анализа выбран фрагмент романа В. Пелевина «Generation “П”» (глава «Вавилонская марка»), где моделируется зрительное восприятие ирреальных событий, в результате которых формируются специфические представления об онтологических (бытийных) категориях.

Рассмотрим языковые средства выражения основных компонентов пропозиции визуального восприятия (субъект, объект, предикат) и постараемся определить их роль в формировании онтологических представлений о реальности в художественном тексте.

Несмотря на то, что описание ситуации ЗВ осуществляется с точки зрения рассказчика (автора), именно персонаж художественного текста является субъектом перцепции, для которого восприятие реальности постепенно сменяется галлюциногенным опытом. В тексте этот переход маркируется изменением позиции субъекта и его грамматической выраженности. Так, при изображении реальных событий субъект восприятия представлен именем собственным (*Татарский*) или местоимением 3 л., ед.ч. (*он*), предикаты – глаголами ЗВ в личной форме (*увидел, заметил, перевел взгляд*). Реализуется классическая пропозиция с левоактантным предикатом, в которой внимание акцентируется на субъекте перцепции.

Однако по мере вхождения субъекта в измененное состояние сознания его внимание все больше привлекают объекты внешнего мира, что объясняет наличие имени существительного с объектным значением (*лежбище*) в позиции подлежащего: *Он увидел отражение своего дивана в стекле и поразился – лежбище, ... в зеркальном развороте показалось лучшей частью незнакомого и удивительно красивого интерьера* [14. С. 76]. Предикат *показалось* свидетельствует о сомнениях субъекта по поводу реальности увиденного. Дальнейшее усиление образности, активизация воображения и ассоциативных процессов приводят к изменению степени выраженности субъекта восприятия. Он становится имплицитным, и позицию субъекта пропозиции занимают абстрактные существительные: *внимание, событие*. Перцептивная деятельность приобретает автономность и перестает зависеть от воли субъекта, в результате чего возникают галлюцинации: *Его внимание переместилось в эту точку и пребывало там всего миг, но этого было достаточно, чтобы в уме отпечаталось событие, которое стало постепенно всплывать и проявляться в памяти* [Там же].

Моделируя ситуацию визуального восприятия ирреального события, автор использует различные способы представления субъекта, который либо актуализируется в высказывании, либо, напротив,

грамматически не выражен. В рамках классической пропозиции с левоактантным предикатом субъект может быть представлен эксплицитно: личным местоимением или именем собственным: *Он заметил рядом с собой двух людей; он увидел, что это была не башня*. Кроме того, возможна имплицитная репрезентация субъекта, когда восприятие моделируется «глазами рассказчика». В этом случае компонент ЗВ уже содержится в пресуппозиции: *Над городом поднималась не то коническая заводская труба, не то телебашня – сложно было сказать, что это такое, потому что на вершине этой трубы-башни горел ослепительно белый факел, такой яркий, что дрожащий от жара воздух искажал ее контуры* [14. С. 77]. Несмотря на то, что субъект восприятия не выражен грамматически, на него косвенно указывает предикат *сложно сказать*, который подразумевает наличие субъекта речи, а также лексические единицы с семантикой затрудненного восприятия (*ослепительно белый, искажал ее контуры*), указывающие на то, что субъект не способен на адекватное восприятие объектов.

Со степенью выраженности субъекта тесно связана структура глагольной предикации. Можно выделить несколько типов предикатов, среди которых глаголы ядерной группы ЗВ: *(у)видеть, смотреть*; глагольные сочетания с именами существительными в качестве зависимого компонента: *перевести взгляд, поднять глаза, не отводить взгляда*; безличные предикаты: *видно, разобрать было нельзя*.

Во фрагменте преобладают предикаты с семантикой перцептивного состояния, что указывает на непроизвольность восприятия и пассивность субъекта: *... Татарский догадался, что огонь, который он видел, горит не вверху, а внизу, как будто он загляделся на отражение солнца в луже*. Глагол *загляделся* – т.е. «увлечься пристальным рассматриванием кого-, чего-л.; засмотреться» [10. С. 508] подразумевает низкую осознанность происходящего субъектом восприятия. Глаголы перцептивного действия представлены во второй части предложения: *...забыл, что смотрит не туда, где солнце находится на самом деле* [14. С. 77]. Глаголы *видеть* и *смотреть* образуют своеобразную пару, указывая, что «язык по-разному концептуализирует ситуацию произвольного восприятия и ситуацию активной перцепции, характеризующуюся участием в восприятии направленного внимания, интереса, воли субъекта» [8. С. 10].

На семантику глагольных предикатов оказывают влияние непредсказуемые изменения визуальных объектов, которые провоцируют активную перцептивную деятельность субъекта, что на языковом уровне выражается глагольными сочетаниями с именами существительными: *перевел взгляд, поднял глаза, заставил себя закрыть глаза, опустил глаза*. Указанные предикаты имеют значение вынужденного действия, стоит рассматривать их как реакцию на непредсказуемость объектов восприятия: *...появилось прежнее нестерпимое сияние, и Татарский опустил глаза; огонь притягивает его и, если он не отведет взгляда, пламя утащит его* [14. С. 77].

Дополнительные семантические оттенки предикаты получают в связи с наличием темпоратива, который на морфологическом уровне репрезентируется наречиями и словосочетаниями со значением внезапной смены действий *теперь, только что, всего миг*. Такой выбор языковых средств указывает на отсутствие возможности выбирать удобный режим восприятия и контролировать его продолжительность.

Несмотря на ключевую роль предиката в процессе реализации семантики восприятия, именно объект, обладающий нестандартными характеристиками, может стать причиной изменений в инвариантной семантической модели. На языковом уровне описание объектов сопровождается большим количеством одиночных прилагательных и причастных оборотов, позволяющих как можно нагляднее представить увиденное: *застроенного однообразными коттеджами; ослепительно белый факел; яркий, дрожащий от жара; вроде сверкающего стального тарана; прежнее нестерпимое сияние*.

В ситуации, когда зрение человека «соприкасается» с иными мирами, граница, отделяющая реальное от ирреального, стирается, и суждения, основанные на зрительном восприятии, теряют привычную истинность и однозначность. В таких условиях перцептивные объекты не всегда возможно четко идентифицировать, нередко они не имеют аналогов в реальности, вследствие чего и возникает семантика ошибочности восприятия: конструкция *не то... не то: не то коническая заводская труба, не то телебашня – сложно было сказать*; употребление сослагательного наклонения в качестве предположения: *Конструкция напоминала бы газовый факел вроде тех, что бывают на нефтезаводах, не будь пламя таким ярким*. Недостаточная осведомленность об объекте приводит к необходимости строить догадки относительно воспринимаемого через аналогии, что подчеркивается лексемами *похожа, вроде тех, что...; то, что он принял за*.

С точки зрения структуры перцептивные объекты могут быть представлены монопропозитивно, как одиночные объекты и явления, и полипропозитивно, как целые ситуации, что на синтаксическом уровне выражено большим количеством придаточных изъяснительных с союзом *что*: *Он заметил, что башня переместилась; теперь он увидел, что это была не башня; было видно, что ее нижняя часть похожа на ступенчатую пирамиду*.

Ключевым перцептивным объектом в рассматриваемом фрагменте является огонь. Моделируя ситуацию горения, автор использует имена существительные и прилагательные с соответствующей семой: *отблеск какого-то огня, отражение, мерцающий свет, факел, белый огонь, нестерпимое сияние, пламя*. Затем имитируется постепенное «затухание», что на языковом уровне реализуется путем включения лексем со значением угасания: *тени, погасла, истаяли и утекли в огонь*. Используя прием градации, автор превращает огонь из едва заметного мерцания в живое существо: *Он почувствовал, что огонь притягивает его и, если он не отведет взгляда, пламя утащит его вверх и сожжет; огонь сморит на него*. Такой прием Г.А. Копнина называет анимистской пер-

сонификацией: «В эту группу можно отнести прием превращения явлений неживой природы, вещей в человека или приписывание им антропоморфных признаков» [3. С. 47].

После того как огонь персонифицируется, он перестает быть объектом и начинает выступать в роли субъекта восприятия: *Он понял, что видит не огонь, а лицо и шлем только потому, что этот огонь на него смотрит, а в действительности ничего человеческого в нем нет* [14. С. 78]. В ситуации, когда объект становится субъектом другой перцептивной ситуации, используется активный предикат *смотрит*, который указывает на целенаправленное перцептивное действие, в отличие от предиката *видит*, который характеризует пассивное восприятие.

Изображаемая ситуация ЗВ моделируется как реакция субъектов на действия друг друга. Восприятие всегда подразумевает амбивалентность взаимодействия человека и окружающего мира, при этом «сочетание глагола не с наименованием человека, а с обозначением неодушевленного предмета (*звезды смотрят*) приводит к сдвигам в семантике слова и к появлению таких смыслов, которые позволяют судить о представлениях онтологического характера» [1. С. 30]. В рассмотренном фрагменте огонь предстает в образе человека, что, соответственно, является нарушением онтологических представлений о живой и неживой природе.

Независимость перцепции от воли субъекта, подразумевающая его пассивность, также становится источником отклонений от онтологических норм: *Он перевел взгляд, но свет сдвинулся тоже, как будто его источником была точка на роговице* [14. С. 77]. Сочинительный союз *но* маркирует несоответствие перцептивного действия *перевел взгляд* и его результата *свет сдвинулся*, а лексема *как будто* заведомо указывает на несоответствие реальности и вводит предположение, что субъект сам продуцирует объект восприятия, а не выбирает его.

К отклонениям приводят и другие случаи нарушения лексической сочетаемости. В высказывании *башня переместилась* актантом выступает неодушевленное существительное со значением статичного объекта, при этом значение предиката содержит сему движения. Такое несоответствие становится причиной семантических сдвигов, указывающих на легкость изменения положения статичных объектов в пространстве, что не соответствует принятым онтологическим представлениям.

Другой пример указывает, что сам акт перцептивной деятельности вызывает изменения положения субъекта в пространстве: *Татарский тоже поднял глаза, и его сразу же рвануло вверх*. Событийные пропозиции находятся между собой в причинно-следственной связи (релятивная пропозиция соединения), которая выражена через сочинительный союз *и*. Безличный предикат *рвануло* указывает на независимость передвижений от воли субъекта, а локатив *вверх* маркирует направление движения, которое не соответствует реальным возможностям человека. При этом если словосочетание *рвануло вверх* в других контекстах может выступать в переносном значении

«подняться», то в данном контексте метафорический элемент полностью исключается, и высказывание понимается буквально.

Размышляя о формировании онтологических норм, О.Ю. Авдеевнина отмечает, что «зрение человека, а вместе со зрением и познание, и мысль, не просто осуществляются сверху – с высоты уже сложившихся знаний, но и устремлены вверх. Именно верх, небо, удаленная от земли высота являются теми сферами пространства, которые не полностью доступны человеческому восприятию и познанию, а поэтому концептуализируются как непостижимая тайна бытия» [1. С. 47]. В связи с этим сема «верх», реализованная в представленном фрагменте, также указывает на постижение субъектом восприятия некоторой недоступной информации, которую он получает, будучи «наверху»: *Татарский догадался, что огонь, который он видел, горит не вверху, а внизу, как будто он загляделся на отражение солнца в луже и забыл, что смотрит не туда, где солнце находится на самом деле* [14. С. 47]. Перцептивный опыт моментально становится предметом рефлексии, на что указывает сочетание в сложноподчиненном предложении ментальных глаголов в главной части и перцептивных – в придаточной. Наблюдается некоторая последовательность происходящих процессов. В предложении через сочинительный союз *а* выстраивается оппозиция верха и низа: субъект как бы спускается на землю, получив недоступную ранее информацию. Персонаж пытается осмыслить и облечь в слова полученные знания, что на языковом уровне приводит к усложнению синтаксиса – наличию различных типов связи и способов подчинения придаточных.

Пребывание «наверху» позволяет субъекту изменить свое отношение к миру, т.е. реализуется онтологическая семантика – формируются новые представления о человеке и его судьбе: *Все проблемы в жизни, все то, что казалось неразрешимым и страшным, просто перестало существовать – мир за мгновение изменился так же, как изменился его диван, отразившись в оконном стекле*. Таким образом, рассмотренный фрагмент имеет кольцевую композицию: персонаж возвращается к первому необычному перцептивному объекту (отражение дивана в стекле). Бессюзная связь в данном случае репрезентирует семантику неожиданного присоединения новой смысловой части, а сопоставление *так же, как* устанавливает параллели между явлениями мировоззренческого порядка и быденными вещами.

Таким образом, формирование онтологической семантики, возникающей в процессе моделирования зрительного восприятия, становится необходимым элементом реализации текстовой стратегии описания ирреальных событий, стирающих границу между внешним миром и сознанием персонажей. «Авторский отбор лексических, синтаксических средств свидетельствует, с одной стороны, об универсальности модели зрительного восприятия в русском языковом сознании (*некто видит нечто, некто смотрит откуда / куда*), с другой – о «контекстных наращениях», формирующих идиостиль отдельного художника слова» [15. С. 48]. Опираясь на это положение, отметим,

что большинство предикатов восприятия, реализованных в анализируемом фрагменте, принадлежит к ядерной группе глаголов ЗВ, что указывает на универсальность способов описания перцептивных процессов. Особенности глагольной предикации заключаются в преобладании глаголов с семантикой перцептивного состояния, которые маркируют пассивность субъекта и произвольность восприятия, а также в нарушении лексической сочетаемости между предикатом и актантами, предикатом и локативом, что приводит к появлению новых онтологических смыслов.

Специфика лингвистического моделирования визуального восприятия ирреальности связана в первую очередь с репрезентацией перцептивных объектов, которые не имеют аналогов в реальности. Обладая нестандартными характеристиками, такие объекты неожиданно для субъекта восприятия исчезают из

поля зрения, произвольно изменяют форму и местоположение, в результате чего возникают новые представления о реальности. Необычность объектов перцепции не только обуславливает возникновение семантики ошибочности или невозможности восприятия, но и объясняет преобладание перцептивных объектов, выраженных пропозиционально, а не одной лексемой.

Таким образом, визуальное восприятие, обогащенное новыми возможностями, не только выполняет прямые функции получения информации из внешнего мира, но и позволяет субъекту воспринимать перцептивные объекты, которые существуют лишь в его сознании. Такая особенность зрительного восприятия делает возможным получение недоступной разуму в нормальном состоянии сознания информации и приводит к формированию специфических онтологических представлений о мире и человеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеевнина О.Ю. Категория восприятия и средства ее выражения в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 48 с.
2. Дрейфельд О.В. «Ирреальность» воображаемого мира героя и «неклассическая» литература XX века // Новый филологический вестник. 2015. № 2 (33). С. 44–52.
3. Копнина Г.А. Отклонение от онтологической нормы как риторический прием // Филологические беседы. 2005. № 5. С. 45–50.
4. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис : текст лекций. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1988. 53 с.
5. Кривошубова Г.А. Ситуация зрительной деятельности // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты : сб. науч. трудов. Омск, 2005. С. 3–15.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки рус. культуры, 1999. 896 с.
7. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славян. культуры, 2004. 607 с.
8. Авдеевнина О.Ю. Семантика «состояние V. действие» в содержании перцептивных глаголов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 2. С. 10–18.
9. Кириллова В.А., Примов М.Б. Структурно-семантические особенности предложений, репрезентирующих ситуации слухового и зрительного восприятия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 116–125.
10. Словарь русского языка : [в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньев]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1: А–Й. 696 с.
11. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
12. Башкова И.В. Грамматика восприятия в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1995. 24 с.
13. Крюкова Л.Б. Ситуация восприятия и способы ее репрезентации в поэтическом тексте (на материале поэзии «Серебряного века») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 22 с.
14. Пелевин В. Generation «П». М. : Вагриус, 2001. 335 с.
15. Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. Брно : MUNI PRESS, 2016. 237 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 августа 2018 г.

LINGUISTIC MODELLING OF “IRREALITY” PERCEPTION IN VIKTOR PELEVIN’S *GENERATION P* (A VISUAL ASPECT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 23–28.

DOI: 10.17223/15617793/437/3

Anna Yu. Kolesnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna.shevr@mail.ru

Keywords: visual perception; perceptual semantics; irreality; linguistic modelling; ontologic norms.

The aim of the article is to consider linguistic features of modelling of a visual perception situation in Viktor Pelevin’s novel *Generation P* and its role in the formation of ontologic ideas about reality in the semantic evolution of the text. The linguistic analysis of propositions with visual perception semantics is carried out on the semantic syntax basic according to which the situation of perception is presented by a two-actant proposition including the predicate, the subject and the object of perception. The material for analysis was a fragment of the novel *Generation P* (chapter “The Babylonian Stamp”) in which specific ontologic ideas are formed on the basis of visual perception of irreal events. When representing visual perception of an irreal event, the author uses various ways of representation of the subject: explicit (by a personal pronoun or a proper name) or implicit (when the situation is modelled by the “story-teller’s eyes”). The verbal predication structure is closely connected with the degree of the subject’s expressiveness. In the analysed fragment, several types of predicates are used, among which there are verbs of the nuclear group of visual perception: *to see, look*; verbal combinations with nouns as a dependent component: *to cast a glance, to raise one’s eyes, to look in the eyes*; impersonal predicates: *to be in sight, it was impossible to see clearly*. The research has shown that in spite of the main role of predicates in the representation of a perception situation perception objects possessing non-standard characteristics become a reason of a semantic structure transformation. At the language level, objects are described by a large number of single adjectives and participial phrases that allow to present what was seen visually. The subject perceives both single objects and whole situations, which is expressed by a large number of complement clauses with the conjunction *that* at the syntactic level. In this case the statement becomes polypropositional. The analysis of the material showed that the specificity of linguistic representation of the main components of a visual percep-

tion proposition leads to the emergence of deviations from ontologic norms which at the language level consist in the use of personification of the phenomena of inanimate nature (fire) and also in the violation of lexical compatibility between a predicate and actants, a predicate and a locative. Thus, the considered lexical and syntactic means of expressing perceptual semantics indicate the universality of the model of visual perception in the Russian language consciousness, on the one hand, and “contextual accretions” that form Pelevin’s individual style, on the other. It is concluded that the formation of ontologic semantics is an essential element of the author’s strategy of describing unreal events that obliterate distinctions between the external world and the consciousness of the characters of the novel.

REFERENCES

1. Avdevnina, O.Yu. (2014) *Kategoriya vospriyatiya i sredstva ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [The category of perception and the means of its expression in modern Russian]. Abstract of Philology Dr. Dis. Moscow.
2. Dreyfel'd, O.V. (2015) Unreality of the Imaginary World of a Character and a Non-Classical Literature of the 20th Century. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 2 (33). pp. 44–52. (In Russian).
3. Kopnina, G.A. (2005) Otklonenie ot ontologicheskoy normy kak ritoricheskiy priem [Deviation from the ontologic norm as a rhetorical device]. *Filologicheskie besedy*. 5. pp. 45–50.
4. Shmeleva, T.V. (1988) *Semanticheskiy sintaksis: tekst lektsiy* [Semantic syntax: text of lectures]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
5. Krivozubova, G.A. (2005) Situatsiya zritel'noy deyatelnosti [The situation of visual activity]. In: Butakova, L.O. (ed.) *Vospriyatie: lingvisticheskiy i psikholingvisticheskiy aspekty* [Perception: linguistic and psycholinguistic aspects]. Omsk: Omsk State University.
6. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury.
7. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury.
8. Avdevnina, O.Yu. (2012) Semantics of ‘State vs. Action’ in the Content of Perception Verbs. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filologiya. Zhurnalistika – News of Saratov University. New Series. Ser. Studies of Language and Literature. Journalism*. 12(2). pp. 10–18. (In Russian).
9. Kirillova, V.A. & Primova, M.B. (1988) Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozheniy, reprezentiruyushchikh situatsii slukhovogo i zritel'nogo vospriyatiya [Structural and semantic features of sentences representing situations of auditory and visual perception]. In: Beloshapkova, V.A. & Miloslavskiy, I.G. (eds) *Ideograficheskie aspekty russkoy grammatiki* [Ideographic aspects of Russian grammar]. Moscow: Moscow State University.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Rus. yaz.
11. Zolotova, G.A. (1982) *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka.
12. Bashkova, I.V. (1995) *Grammatika vospriyatiya v sovremennom russkom yazyke* [The grammar of perception in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Dis. Yekaterinburg.
13. Kryukova, L.B. (2003) *Situatsiya vospriyatiya i sposoby ee reprezentatsii v poeticheskoy tekste (na materiale poezii “Serebryanogo veka”)* [The situation of perception and the ways of its representation in the poetic text (on the material of the poetry of the Silver Age)]. Abstract of Philology Cand. Dis. Tomsk.
14. Pelevin, V. (2001) *Generation “P”* [Generation P]. Moscow: Vagrius.
15. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [The poetic picture of the world through the prism of the category of perceptivity]. Brno: MUNI PRESS.

Received: 18 August 2018